

Народная филология¹ и средняя школа

Рецензия на книгу: Троицкий В. Ю. «Судьбы русской школы. Проблемы наследия русской словесности»

А. И. Любжин

Любжин Алексей Игоревич

доктор филологических наук, научный сотрудник отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. Адрес: 103073, Москва, ул. Моховая, 9. E-mail: vulture@mail.ru

Аннотация. Рецензент считает актуальным критический разбор представленной книги как манифеста популярных сегодня консервативных взглядов и как проявления дезориентации современного общества, которое, плохо зная историю русской школы, принимает за ее традиции то, что

им решительно противоречит. Анализируются взгляды В. Ю. Троицкого на преподавание литературы в школе, список авторов, которых он считает необходимым включить в учебные планы, его представления об историзме в преподавании литературы, о старой русской и советской школе.

Ключевые слова: преподавание литературы в школе, старая русская школа, советская школа, учебные программы, равенство в образовании, образовательная политика.

DOI: 10.17323/1814-9545-2018-2-283-294

Статья поступила
в редакцию
в феврале 2018 г.

Вряд ли выход в свет книги, которой будут посвящены нижеследующие страницы, можно счесть крупным событием в интеллектуальной жизни образовательного сообщества. Обоснованию этой точки зрения будет освящена наша рецензия. Тем не менее именно нынешний контекст делает критический разбор содержащихся в ней взглядов актуальной задачей: консерватизм в моде, и дезориентированное общество (не исключая и педагогического сообщества), плохо зная историю русской школы, принимает за традиции русской школы то, что, будучи связано только со школой советской, решительно им противоречит.

1. Против «пятой колонны»

¹ Мы употребляем слово «народный» в том же значении, в каком оно употребляется в титулатуре автора, указанной на личной странице официального сайта его основного места работы — ИМЛИ: академик Российской народной академии наук (<http://imli.ru/index.php/institut/sotrudniki/1022-troitckij-vsevolod-yurevich>), или в каком он называет на с. 68 своей книги А. В. Кольцова «великим народным поэтом».

Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы. Проблемы наследия русской словесности. М.: Институт русской цивилизации, 2010.

Кроме того, В. Ю. Троицкий, давний сотрудник ИМЛИ, является председателем комиссии по преподаванию русского языка и литературы в школе Отделения литературы и языка РАН, членом Комиссии РАН по образованию² и, следовательно, имеет возможность отстаивать свою позицию от имени официальной филологической науки и даже выдавать ее за таковую. Если давать этой позиции предельно краткую, но не огрубляющую характеристику, ее можно определить как национал-большевистскую. Отметим характерную деталь: те свойства, которые мы будем рассматривать, не являются индивидуальными, они типичны для данного умонастроения в целом³.

Прежде всего обратим внимание на язык. Автор, позиционирующий себя как христианин и проповедник любви⁴, превосходно усвоил *hate speech* и достиг в нем своеобразного стилистического совершенства. Выражения «пятая колонна», «государственная измена», «преступник» (о деятелях), «геноцид», «катастрофическое снижение» (о действиях) не сходят с его страниц⁵. Что касается терминологии, она отличается пе-

² Статья в Википедии: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Троицкий, Всеволод Юрьевич](https://ru.wikipedia.org/wiki/Троицкий,_Всеволод_Юрьевич)

³ Иногда они более ярко проявляются не в самой книге, а в отдельных статьях и интернет-публикациях; в этом случае мы будем обращаться к ним.

⁴ Passim. И даже безмерное раздувание программ, к которым призывает автор, мотивируется тем же: «Чтобы пребывание в школе было успешно, нужно любить то, что хочешь познать. Но ведь чем меньше знаешь, тем меньше любишь. Истинное знание увеличивает возможность любви. Любовь же воспламеняет жажду знаний и расширяет их просторы» (с. 12). Наиболее яркий пример тоже за пределами книги: О. Э. Мандельштам должен быть исключен из школьной программы как проповедник ненависти; среди прочих доводов — «А теперь приведем несколько стихов О. Мандельштама: „И Батюшкова мне противна спесь...“ Не угодил, видите ли, русский поэт Батюшков Осипу Эмильевичу!» (Политика духовного геноцида в школьных программах по словесности. <http://parus.ruspole.info/node/3559>). Конечно, заподозрить автора «Словно гуляка с волшебной тростью» в отвращении к Батюшкову — это забавный курьез, но он весьма ярко подсвечивает «народную филологию».

⁵ Самый яркий пример — «Образование в России перед грядущим судом истории»: «20**год. Зал заседаний Верховного суда России. Слышу слова: „Встать! Суд идет!.. Именем России... Рассмотрев деятельность ряда административных органов в сфере образования, ряда ведущих учебных и научно-педагогических учреждений России, а также деятельность некоторых учреждений культуры за период с 90-х годов XX века, Верховный суд признал, что названные в перечне учреждения... (приводятся полностью. — В. Т.) вели деструктивную деятельность, тормозящую развитие важных областей государственной жизни, направляя работу подведомственных им структур в ложное русло и тем причиняя вред нормальному функционированию и развитию возглавляемых ими учреждений и областей в целом <...> Суд признал, что многие

стротой: у И. А. Ильина (которого научились читать и почитать большевики) взята «предметность», из катковских отрицательных характеристик — «многопредметность» и «верхоглядство» (но не «фразерство», что было бы опасно для самого автора), из советского дискурса — «научность», которая понимается прежде всего как историзм, кое-что, полагаем, собственного изготовления, как, например, «словомыслие»⁶. «Духовность» заменила почти не используемую «идейность»⁷. Один из любимых терминов, употребляемый метафорически, — «экология» (иногда «духовная экология»). Часто оппоненты упрекают в невежестве; а между тем это обвинение, как мы покажем, небезопасно для автора, поскольку может вернуться бумерангом.

Посмотрим, например, такой пассаж (с. 243): «Русский же литературный язык осваивался в традициях русской школы как кладезь духовного и предметного знания, как сосредоточенный в слове исторический опыт. Поэтому особое значение придава-

2. Бумеранг невежества

«реформы» в области образования (следует их перечисление. — В. Т.), а также многие внедрявшиеся стандарты были ориентированы на деструктивное усвоение материала, на порочные методики обучения, на значительное снижение уровня знаний выпускников в целом <...> Вместе с тем, учитывая особую вину ряда ответственных руководителей в сфере образования, суд считает, что их преступления по масштабам, характеру и существу нанесенного государству ущерба подпадают под действие Закона об измене Родине (следует разъяснение с указанием должностей и фамилий. — В. Т.). На основании изложенного суд приговорил: бывшего министра образования *** к пожизненному заключению; бывшего замминистра образования *** к отбыванию наказания в исправительно-трудовой колонии строгого режима на 15 лет; министра образования города NN, как агента спецслужб Запада, к пожизненному заключению; покойного ректора *** Института к посмертному лишению незаслуженно полученного им ордена «За заслуги перед Отечеством» <...> и т. д. «<...> Я знаю, что этот справедливый суд непременно будет. Ибо преступления налицо. Не знаю, когда, но когда-то преступники, разрушавшие образование России, снизившие его уровень и продолжающие действовать в том же направлении, будут наказаны! И не думайте, господа разрушители, что вас он не коснется. Ведь это будет СУД ИСТОРИИ» (<http://parus.ruspole.info/node/5897>).

⁶ На с. 104 утверждается, что без него в числе некоторых других «никаких сколько-нибудь верных суждений об образовании и воспитании <...> сделать невозможно». Каким образом содержательно говорили дореволюционные специалисты, и не подозревавшие о таком понятии? Национальный корпус русского языка (портал <http://www.ruscorporga.ru>) с этим словом незнаком.

⁷ Духовность, по мнению автора, «поддается научному осмыслению весьма условно, но результаты ее проявлений реальны и могут быть научно осмыслены» (с. 309).

лось этимологии, науке о происхождении смыслового содержания слова; известно, что некогда во многих учебных заведениях существовали даже этимологические классы, как некая ступень в познании наук». Этимология на педагогическом языке описываемой эпохи означала то же, что сейчас — морфология; тому, кто хоть сколько-нибудь представляет себе школу XIX в., трудно этого не знать. Но здесь мы сталкиваемся с более удручающей ситуацией, нежели непонимание определенного термина. Школьный аналитик, представляющий себе педагогический процесс, оценил бы, сколько времени можно отвести на этимологию в современном смысле слова, не разрушая учебный процесс, — и на самом выражении «этимологический класс» он должен был бы споткнуться и начать разбираться. Увы, этого не произошло.

Так же обстоит дело и с историческим сознанием. В одной из публицистических работ цитируется известная фальшивка, вложенная в уста Отто фон Бисмарку: «Русских невозможно победить, мы убедились в этом за сотни лет. Но русским можно привить лживые ценности, и тогда они победят сами себя!»⁸. И здесь можно сказать то же самое, что и в прошлом случае: чтобы приписать — неважно, по собственной ли инициативе, — подобные мысли Бисмарку, нужно совершенно не представлять себе его ситуацию. Россия с Пруссией воевала один раз — в Семилетнюю войну, а дружила много больше; Бисмарк должен был помнить братство по оружию в наполеоновскую эпоху, симпатии официальной России в 1870–1871 гг. Сама цитата адресована тем, кто представляет себе историю взаимоотношений с Германией как современный обыватель. Предоставим слово С. В. Волкову: «Примитивизм общественного сознания, помноженный на практически полную неосведомленность в области исторических реалий представляет, естественно, самую благоприятную почву для навязывания ему подобных взглядов. Представление о том, что если нечто было на моей памяти (а тем паче при моем участии), то так оно было и всегда, вполне нормально для неискушенного сознания. Например, коль скоро большинству довелось повоевать с немцами и посмотреть кинофильм „Александр Невский“, то двух точек, отстоящих друг от друга на 800 лет, но соединенных прямой линией, оказывается совершенно достаточно, чтобы было невозможно воспринять мысль, что многие столетия до начала XX в. из всех европейских стран именно с немецкими государствами Россия имела наибо-

⁸ Восстановить разрушенное! О словесности в современной школе (<http://www.rospisatel.ru/troizky-vosst.htm#ftn1>). О самой цитате см.: Как пропагандисты приписали Бисмарку страх перед Россией (<https://www.stopfake.org/kak-propagandisty-pripisali-bismarku-strah-pered-rossiej/>).

лее близкие и дружественные отношения»⁹. Маститый профессор и руководитель одной из школьных комиссий РАН ничем не превосходит в отношении «историзма» среднестатистического обывателя.

Профильная область — филология — тоже не демонстрирует интерпретационного мастерства. О пушкинской поэзии автор пишет: «Потому-то покой и воля в их сочетании есть счастье (вспомним: „На свете счастья нет, а есть покой и воля“), душевный покой, покой чистой совести и внутренней полной воли над страстями. Поэтому воля над всем мирским — мирской суетой и неустроенностью жизни — составляет неотъемлемую часть счастья» (с. 290). У человека, хотя бы поверхностно знакомого с пушкинской поэзией, должны бы всплыть в памяти слова «Вольность и покой — замена счастью», и такого грубого непонимания можно было бы избежать. Впрочем, о свободе, о которой идет речь у чувствующего себя «усталым рабом» поэта, мы еще скажем. Универсальная же отмычка, которую применяет автор к русской литературе, работает весьма плохо: «Духовность русской литературы неизменно связана с ее соборностью, с неприятием эгоистического вознесения личности за счет „мира“» (с. 312). Попробуем применить это к школьной программе — «Евгению Онегину», «Горю от ума», «Герою нашего времени», «Мертвым душам»¹⁰...

И еще — последнее по месту, но не по важности: отсутствие вкуса. «С детства помнятся мне „Думы“ К. Ф. Рылеева. В них родная история представлена в лицах и событиях, легко воспринимаемых сознанием школьника. В годы Великой Отечественной войны, когда торжественно, трагично и победно звучали имена ее героев — Саши Чекалина, Зои Космодемьянской, Николая Гастелло, панфиловцев и молодогвардейцев-краснодонцев, особенно понятен был нам, „детям войны“, Иван Сусанин, простой русский крестьянин, жертвующий жизнью за родину. Живо отзывались в наших детских сердцах слова героя, брошенные в лицо врагам Отечества...»¹¹ Здесь — двойной провал: и в собственном напыщенном пафосе (в том, что римляне называли *tumor*, «припухлостью»), и в переоценке третьестепенного памятника.

⁹ Почему РФ — не Россия (<http://swolkov.org/russia/russia-13.htm>).

¹⁰ Для полноты нельзя было обойтись без этимологической ошибки (на с. 268 истина связывается с лат. *iustus* — «справедливый»), и даже без элементарной математической (с. 431: «Результаты антипедагогической деятельности потрясают. Только за последние семь лет количество сексуальных преступлений против малолетних возросло в 26 раз, то есть на 2600%»).

¹¹ Политика духовного геноцида в школьных программах по словесности (<http://parus.ruspole.info/node/3559>).

3. О русской словесности

На этом фоне мы — игнорируя структуру книги — рассмотрим отношение автора к трем вещам: к преподаванию литературы сейчас, к старой русской школе и к советской школе. Роль этого предмета в становлении личности школьника В. Ю. Троицкий рассматривает как определяющую (с. 305), многократно при этом утверждая, что литература борется против информационной агрессии, осуществляемой через СМИ. Анализ воспитательных возможностей школьного предмета и школы в целом в противостоянии общественному давлению (СМИ здесь — лишь один из возможных каналов) был бы чрезвычайно интересен; но с ним в работах В. Ю. Троицкого мы не сталкиваемся. Литература постигается «в единстве социально-исторического, духовно-религиозного и художественно-эстетического подходов» (с. 306). Из этого еще можно было бы сделать какие-то выводы для программы и приспособить учебники к этим тезисам; но что преподаватель может извлечь из такого, например, утверждения: «Первостепенная задача сегодня — восстановить в сознании учащихся традиционную роль слова, ибо именно оно лежит в основе приобретения знаний и определяет общий культурный уровень. Традиционно осмысленное слово — это последний рубеж образования, за которым простирается внечеловеческое присутствие в мире» (с. 262–263).

Остановимся на соображениях о количестве материала. Здесь нас поразят две вещи: школьный аналитик, постоянно говорящий о преступном сокращении, нигде почти не приводит цифр и не задумывается (по крайней мере публично) над тем, сколько учебного времени потребуется для освоения того или иного материала¹². Мы не будем сосредоточивать внимание на том, что критикует автор — реальные мероприятия или планы. А претензии его не знают границ. О Рылееве уже шла речь. В список попадают «гениальный» А. В. Кольцов и «необходимый всякому русскому» И. С. Никитин¹³, на с. 337–338 мы узнаем, что «в программу и учебные книги по литерату-

¹² Одно из немногих исключений — на с. 231: «В русской школе по последнему базовому учебному плану московских образованцев на русскую словесность в старших классах отводится 204 часа, а на иностранный язык — 408. Это в чистом виде языковая оккупация!». Вообще иностранные языки вызывают наибольшую антипатию автора: «Одновременно увеличили программы по английскому и др. иностранным языкам. Все это, если исходить из нынешних задач и интересов школы независимой державы, — очевидно антипатриотично, противоречит интересам народа, формированию национального культурного сознания, здоровому органическому развитию личности и бережному отношению к традиционным духовным ценностям нации» («Восстановить разрушенное...»).

¹³ С. 260. На той же странице — А. Н. Майков, А. К. Толстой, С. А. Есенин, Н. М. Рубцов. Не то чтобы их нет — их «позорно мало».

ре как обязательная их составная часть должны войти сочинения классиков русской критики (К. и И. Аксаковы, Н. Надеждин, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев, В. Н. Майков, Ап. А. Григорьев, В. П. Боткин, Н. Н. Страхов, А. В. Дружинин и др.). «Был подвергнут изъятию необходимый для понимания тенденций в русском обществе роман Н. Г. Чернышевского „Что делать?“, с которым по существу спорили в своих произведениях другие выдающиеся писатели — Н. С. Лесков, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и др. А, например, из списка изучаемых произведений Н. А. Некрасова были изъяты едва ли не самые значительные и злободневные его произведения: „Родина“, „Элегия“ („Пускай нам говорит изменчивая мода...“), наконец, несравненная поэма „Кому на Руси жить хорошо“. И если без Никитина никак обойтись нельзя, то без чего можно и нужно? Один из ответов мы уже привели; в поисках остальных отошлем читателя к самим трудам В. Ю. Троицкого. Он милосерд, четырех авторов XX в. он считает недостойными того, чтобы с ним знакомилось юношество. Об остальных умолчим, рассчитывая на любопытство читателя, оно вознаградится. И еще отметим в скобках: игнорируя дореволюционный опыт, В. Ю. Троицкий считает «ущемлением» и проявлением «необразованности» или «ангажированности» объединение русского языка и литературы в единую «русскую словесность»¹⁴. Разумеется, литература, построенная на таких основаниях, взорвет программу и раздавит остальные предметы — либо превратится в нечто настолько мимолетное, что заведомо не оставит в сознании учеников никакого следа. Характерен пример, который любит приводить В. Ю. Троицкий: «От современника, лично знавшего ученых, я слышал: „Когда академик В. И. Вернадский приходил в гости к академику Д. Н. Зелинскому, они садились у камина. Иногда один из них начинал наизусть читать страницами „Войну и мир“ Л. Н. Толстого, а другой — продолжал...“ Достойно изученная классика становится на всю жизнь материалом для осмысления, переосмысления и духовного роста. Раньше в школах учили читать художественные произведения. При нынешних обкраденных реформами программах по литературе и отнятых разрушителями школы учебных часах — это невозможно»¹⁵. Оба академика учились в классической гимназии, руководимой толстовским уставом 1871 г., где на русскую словесность отводилось весьма мало времени и о чтении в школе «Войны и мира» и речи быть не могло. Этот замечательный эпизод доказывает ровно противоположное тому, что хотел бы автор: для

¹⁴ Современная школа, словесность и осознание святости как действительности жизни (<http://rys-strategia.ru/publ/4-1-0-3368>).

¹⁵ Там же.

того чтобы хорошо знать русскую литературу, вовсе не обязательно изучать ее в школе. Впрочем, как ниже увидит читатель, представления об императорской гимназии у автора самые поверхностные.

Следующий пункт авторской программы — «научность», или, что практически одно и то же, «историзм». Об этом говорится многократно и со вкусом. Литература есть отражение народной жизни, Стоюнин, Водовозов... «Школьное изучение словесности (да и вузовское, пожалуй) сегодня, как правило, нацелено на усвоение элементов содержания и некоторых черт художественной формы (точнее даже — художественных приемов), что, разумеется, не может дать грамотного и точного представления о художественном произведении. Переходя на современный прагматический тип наглядного сравнения, можно сказать: полный набор всех деталей машины, сложенный в грудку, нельзя назвать машиной...» (с. 302). Одна из глав называется «Историзм как основа филологической науки (Постижение слова и словесности)». Однако если рассмотренные выше чрезмерные программные претензии грозят «взорвать» общую программу, то претензии на научность могут сделать то же с программой уже собственно по литературе: историзм требует хронологического изучения, а дидактический принцип «от простого к сложному» — прямо обратного, поскольку язык усложняется пропорционально давности; кроме того, сам по себе историзм — продукт XIX в., и имеет ли смысл так пренебрежительно относиться к людям более ранних эпох, не имевшим представления об истории литературы? Для понимания Ювенала и сатир Горация нужно вникать в тонкости истории тогдашнего Рима; но когда мы читаем чудесные стихи Вергилия об Орфее и Евридике, так ли важно для нас, что «Георгики» — агитационная поэма, адресованная ветеранам Августа?

Что касается образования в целом, В. Ю. Троицкий решительно стоит на позициях одинаковости. «Казалось бы, надо повсеместно срочно поднять уровень всеобщего, вернуть утраченные позиции, когда полноценное образование было доступно широким народным массам. Но не так нынче решается дело. Полноценное образование, по сути, ограничивают „элитарными школами“ для „верхних десяти тысяч“» (с. 61). «Русская школа всегда имела своей целью и идеалом образование народа. Разговор о *всех* и *способных* ведется на деле, чтобы замаскировать иной навязываемый нам путь: полноценное образование исключительно для *избранных*. И будут они избираться отнюдь не за умственное превосходство» (с. 55). Даже робкие попытки ввести профильную школу вызывают всплеск неукротимой злобы (с. 153). Сама мысль, что кто-то сможет стать более образованным, чем большинство, ненавистна автору...

4. О старой и советской школе

В. Ю. Троицкий относится к старой школе уважительно (никак не соотнося это уважение со своей приверженностью к всеобучу). Самая развернутая характеристика дана на с. 433: «Окончившие гимназию прилично владели 1–2-мя иностранными языками, были знакомы с латынью, в иных случаях и с древнегреческим, не говоря уже о церковнославянском, к которому приобщались с детства, посещая храм. Они знали основные произведения русских классиков и имели общее представление об истории русской литературы от древности до конца XIX века. Это были не формальные знания. Прошедшие курс могли рассказать и о введении письменности, и о летописях, были способны размышлять о русском фольклоре, имели реальные представления о А. Кантемире, М. Ломоносове, А. Сумарокове, Н. Новикове, А. Радищеве и Д. Фонвизине, М. Хераскове и Г. Державине. Они углубленно изучали И. Крылова и В. Жуковского; были хорошо знакомы с „Горем от ума“ А. Грибоедова, представляли себе в целом все творчество А. Пушкина, Н. Гоголя и М. Лермонтова, изучали И. Тургенева, при этом не только „Записки охотника“, но и шесть его романов; трилогию И. Гончарова, пьесы А. Островского, подробно изучали „Войну и мир“ Л. Толстого, а также „Детство“, „Утро помещика“, „Севастопольские рассказы“ и другие. В старших классах они читали в оригинале европейских классиков. Всем этим ныне не владеют даже многие студенты филологических факультетов педагогических вузов да и некоторых университетов...». Эта характеристика совершенно лишена историзма: она может относиться лишь к началу XX в., к последним годам существования императорской школы (до того благоразумные руководители русского просвещения не позволяли заниматься в средней школе послегоголевским периодом). Но и для этого времени объем программы сильно преувеличен: так, например, для Тургенева она дает два романа, а не шесть («Дворянское гнездо» и «Рудин»); ни о каком Радищеве речи не идет; Гончарова проходили только «Обыкновенную историю»¹⁶. Общий перечень — много более скупой, чем хотелось бы В. Ю. Троицкому.

Но идеал его не столь давний. Он искренне полагает, что школа СССР может быть названа «советской гимназией»¹⁷, что

¹⁶ Мы пользуемся одним из самых поздних изданий: Правила и программы классических гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения и подробные программы испытания зрелости в испытательных комитетах при учебных округах. 25-е изд. (на 1912–1913 г.). Значит. изм. и доп. М.: Изд. В. А. Маврицкого, 1912. С. 134 слл.

¹⁷ Критике расхожих взглядов о преемственности советской школы по отношению к старой императорской посвящена статья: Любжин А. (2012) Тупик коммунизма // Отечественные записки. № 4 (49). С. 262–269. См. также: Любжин А. (2017) Сумерки всеобуча. М.: Университет Дмитрия Пожарского. Эта статья там также перепечатана.

она вобрала много ценного из дореволюционной гимназии (с. 29). «При всех недостатках, к которым следовало бы отнести недопустимую политизацию, подмену духовного воспитания идеологией, односторонность преподавания ряда социальных дисциплин, отсутствие в программах церковнославянского языка, слабое изучение иностранных языков и др., — школа эта имела немало достоинств: утверждение принципа научности и системности в образовании, ориентация на гармонически развитую личность, отрицательное отношение к эгоизму и потребительскому мироотношению. Происходила и постепенная переориентация образования в направлении национальных духовных традиций». Начало деградации он относит к середине 1950-х годов. Почему это произошло именно тогда — объяснений нет. По мнению В. Ю. Троицкого, в советской средней школе в период ее расцвета было достигнуто следующее: «1) первоначальное представление о сущности слова (языка) и достоинствах родной речи; 2) достижение норм орфографической и пунктуационной грамотности; 3) овладение ясным и точным смыслом слов (запасом слов), необходимых для нормальной жизнедеятельности, здорового мировосприятия и культурного развития современного человека; 4) умение устно и письменно владеть родным словом на уровне, обеспечивающем возможность самообразования и нормального культурного развития; 5) воспитание любви к родному языку» («Восстановить разрушенное...»).

Как должен бы выглядеть антиидеал Троицкого в декорациях Российской империи? Предательство государственной власти: министр просвещения под влиянием темного иезуита, задумавший проект высший сановник — шпион высокопоставленного масона Наполеона¹⁸, сам император находится под влиянием своих либеральных советников, преподаватели — «пятая колонна», прошедшая стажировки за рубежом, они внушают (и далеко не без успеха) ученикам антигосударственные мысли. Русская словесность проходит скупое, о народе ученики не узнают ничего, зато иностранные языки процветают. Все эти пороки сосредоточены в Царскосельском лицее, и понятно, кто, с точки зрения В. Ю. Троицкого, получил наихудшее воспитание.

Мы начали разговор об этом образчике современного педагогического консерватизма с описания *hate speech*. Теперь

¹⁸ Мы не касались в рецензии этой проблематики, но было бы странно, если бы автор не затрагивал масонов. Разумеется, чуда не случается. См., например, с. 17, с. 244, где автор прибегает к прямой фальсификации: он датирует орфографическую реформу 1916–1917 гг. и связывает ее с именем министра просвещения — масона А. А. Мануйлова. Зачем ему относить эти события к последнему году Империи — Бог весть... О Наполеоне-антихристе см. с. 356–357.

нужно указать, что является главным предметом ненависти. Разумеется, со всеми оговорками и реверансами, которые подчеркивают чувство скорее, чем скрывают. Это свобода. «Если мы примем во внимание государственные, общенародные цели всякой школы, то свобода и плюрализм ими естественно ограничиваются: антигосударственные, антинациональные, антиобщественные тенденции сразу же должны быть исключены. Тогда мы получаем уже не плюрализм и „свободу“, а деятельность, разумно ограниченную интересами общества и государства» (с. 73–74). «Ведь свобода может быть и причиной движения к низшему и худшему, к социальной агрессии, паразитизму, преступности и т. п. Идеи свободы и плюрализма в образовании <...> поддержанные установкой на постоянные инновации, привели к очевидной неуправляемости системы образования, к отходу от принципа научности в педагогическом деле» (с. 101–102). Эта позиция, пожалуй, относится к основополагающим для В. Ю. Троицкого: он детерминист, ему глубоко чужда мысль, что подросток *свободно* возьмет и прочтет книгу, но если уж его заставить, то благой эффект скажется непременно...

Вышесказанное не отменяет двух вещей: во-первых, некоторые идеи, пропагандируемые В. Ю. Троицким, верны и плодотворны (о культурной иерархии, о недопустимости господства прагматических установок в образовании); во-вторых, из того, что его критика в адрес официальной образовательной политики во многом несостоятельна, не следует, что она несостоятельна во всем или что эта политика хороша. Но для справедливых позиций мы желали бы более искусного защитника, а для правительственного образовательного курса — более знающего и квалифицированного оппонента на той позиции, какую занимает В. Ю. Троицкий.

Popular Philology and Secondary School

A Review of the Book: Troitsky V. (2010) Sudby russkoy shkoly. Problemy naslediya russkoy slovesnosti [The Fate and Fortune of Russian School. Legacy Issues in Russian Philology]. Moscow: Institute of Russian Civilization.

Author **Alexey Lyubzhin**

Doctor of Sciences in Philology, Research Fellow at the Department of Rare Books and Manuscripts of the Science Library, Moscow State University. Address: 9 Mokhovaya Str., 103073 Moscow, Russian Federation. E-mail: vulture@mail.ru

Abstract It appears relevant to provide a critical review of the presented book as a manifesto of conservative views, so popular today, and as an indicator of the disorientation of modern society, which has a poor knowledge of the Russian school and thus sees its traditions in things that pronouncedly contradict them. The review provides an analysis of Vsevolod Troitsky's perspective on teaching literature in school, the list of authors he finds advisable to include in school syllabi, his conception of historicism in teaching literature, and his ideas of the old Russian and Soviet schools.

Keywords teaching literature in school, old Russian school, Soviet school, syllabus, equality in education, educational policy.